

ЗНАНИЕ И ПОНИМАНИЕ

Е.А. Попов

Социальное знание и ценности научного труда

Аннотация. Предметом исследования является взаимосвязь социального знания и культуры научного труда. В проекции современной социогуманитарной науки проблема исследовательской культуры достаточно актуальна и связана как с внутринаучными тенденциями, так и с околонучными. К числу первых относится количественный прирост исследований практически во всех областях научного познания, а, следовательно, то приводит к снижению культуры научной деятельности. К околонучной проблематике относится фактор заказа на исследования со стороны государства или других субъектов. Основным методом исследования служит проблемный анализ взаимосвязи социального знания и культуры научного труда, также в статье используется метод сравнения. Основными выводами исследования являются следующие положения: 1) социальное знание испытывает явную необходимость в совершенствовании исследовательской культуры, связано это со значительным ростом научных исканий в данной сфере; 2) социология относится к числу областей с «презентацией» результатов исследований, основанных на прикладных методиках, значит, социология прежде всего должна ставить задачу о следовании нормам научного труда.

Ключевые слова: культура, общество, социология, ценности, нормы, познание, социальное знание, методология, эпистемология, проблемы социологии.

Review. The subject of the research is the relationship between social knowledge and culture of scientific work. In terms of modern socio-humanitarian science, research traditions are a very topical issue related to both intrascientific and would-be scientific tendencies. The former includes a quantitative growth of researches practically in all branches of knowledge which leads to the decrease in the quality and culture of scientific work. The would-be scientific tendencies include the fact that researches are often ordered by the government or other subjects. The main research method used by the author of the article is the problem analysis of the relationship between social knowledge and culture of scientific work, the author also uses the method of comparison. The main conclusions of the research are the following: 1) social knowledge obviously needs to improve the culture of research as a result of a growing number of researches in this sphere; 2) sociology is one of the spheres that 'present' research results based on applied methods, thus sociology should consider the need to follow the standards and norms of scientific work first and utmost.

Keywords: social knowledge, cognition, norms, standards, values, sociology, society, culture, methodology, epistemology, problems of sociology.

Научное творчество является преобладающим способом совершенствования исследователя в границах той или иной отрасли знания. Нередко опытных и начинающих исследователей упрекают в недостаточно высоком качестве работ разного плана – и статей, и диссертаций. Это, как нам кажется, действительно, сложная проблема, во многом отягощённая особенностями развития современной науки в целом. Употребив здесь слово «отягощённая», мы имеем в виду, прежде всего, неустойчивость или растерянность науки перед обстоятельствами в равной степени и объективными (как, например,

диверсификация самих принципов научности – «что можно сегодня считать наукой, а что следует удалять за её пределы»), и субъективными, такими как рост конъюнктурности исследований, привязанность работы исследователя к грантам и фондам. Наиболее уязвимым местом в работе исследователя, пожалуй, остаётся частое пренебрежение устоявшимися ценностями и нормами научного творчества. В целом это можно представить как погоню за коммерческими результатами деятельности. Не секрет, что «грантомания», прочно закрепившаяся на рубежах современной науки, наряду со стимулированием исследований по сути

дела вымещает из них исследовательскую культуру. Связано это обстоятельство с тем, что мерка науки по рублю загоняет исследователя в рамки презентативности данных – то есть такой подачи материала на суд научной общественности в лице экспертов, которая не позволит усомниться в полученных результатах. Это, конечно же, справедливо, однако презентативность связана прежде всего с формой подачи данных, и исследователь обращает внимание прежде всего на правильность заполнения необходимых отчётных граф. На самом деле грант – это способ не только выделить средства на исследование и проконтролировать работу, но и придание такой работе свойства экономической целесообразности и, как следствие, доказательство практической значимости полученных результатов для социальной сферы. Как отмечает С.А. Лебедев, одной из особенностей современной науки является «перенесение главного акцента научной деятельности с процесса получения и обоснования научного знания на его практическое применение в сфере экономики для производства новых товаров и удовлетворения самых разнообразных и постоянно растущих потребностей людей» [1, с. 36]. Против такой привязки науки к экономике трудно что-либо возразить, поскольку никто не опровергает идею важности пользы для общества и конкретного человека получаемых результатов. Но всё же это в большей степени распространено на науку прикладную или естественную, там где «ручной» труд даёт артефакты, способные оправдать экономические затраты. В социально-гуманитарном знании всё намного сложнее – идея должна быть такой, чтобы её разработка могла впоследствии дать толчок к развитию отрасли знания, а возможно, и целого производства. Ближе всего к этому состоянию, как нам кажется, стоят социальные области знания, которые, руководствуясь интересами и потребностями общества, отдают себе отчет в необходимости получения социально значимого «продукта». К примеру, социология, представляет такую область социального знания, в которой накапливаются и транслируются систематизированные представления о человеческом обществе, социальной структуре и закономерностях общественного развития. Это, так сказать, идеология социологической науки, её стратегический потенциал и стержень, а реальность заставляет некоторых исследователей

вести речь и о «сервильности» социологии, когда «социология исполняет гувернерские, обслуживающие функции» [2, с. 21].

Очевидно, что роль всесторонне эрудированного исследователя повышается в условиях так называемого «похода» наук за междисциплинарностью, который оборачивается ростом *гибридных* областей познания мира, о чем, в частности, рассуждает Н.Г. Осипова, отмечая «активный процесс создания так называемых “междисциплинарных научных направлений”, или “гибридов”, которые образуются на стыке социологии и гуманитарных, социальных, естественных, математических, а также технических наук» [3, с. 38]. К слову сказать, известный социолог относит к таким «гибридам» этносоциологию и политическую социологию. Но в любом случае перед исследователем стоит вопрос вопросов – в русле какого направления науки он стремится получить новое знание или новую информацию и каким образом наиболее эффективно презентовать полученные данные или свои соображения относительно актуальной проблемы. Если исходить из того, что научное творчество как будто не имеет очерченных рубежей и согласуется, во-первых, с интересами исследователя, а во-вторых, по-видимому, с «продвинутым» научным направлением, сулящим сравнительно быстрое получение соответствующих дивидендов «от науки», как-то: цитируемость, авторитет в своей области и т.д., то может сложиться впечатление, что ничто исследователя в научном поиске не ограничивает. Социология, к примеру, относится к числу таких научных областей, которые нередко отсутствие единой линии исследования на прочных теоретико-методологических основаниях камуфлируют либо неконтролируемым количественным ростом ответвлений и отраслей («интенсивный процесс горизонтального дробления предметного поля социологии» [3, с. 41]), либо же которые превыше всего ставят прикладное исследование часто без опоры на теорию. Так появляются многочисленные отраслевые «социологии» – социология досуга, войны, праздника и т.д. Тем не менее у исследователей они пользуются популярностью из-за богатейшего эмпирического материала, а следовательно, и возможности презентовать полученные результаты и, таким образом, влиться в когорту исследователей-практиков.

В то же время социологи не спешат посвятить свои исследования таким сложным и подчас сакральным сторонам человеческого коллективного и индивидуального бытия, как искусство, ментальность; при этом внимание к объектам и явлениям культуры по-прежнему возрастает, поскольку исследования в этом направлении позволяют увидеть в результатах общественного мнения сразу же симптоматику социальной реальности и одновременно поставить диагноз состоянию мира: если люди стали меньше посещать музеи и театры, общество находится в кризисе. Ясно, что культура – это, конечно же, срез общественного развития, но не нужно забывать, что культура – это вовсе не смесь социальных институтов. Между тем феномен «золотой рыбки» охлаждает людские пристрастия и заостряет их на вполне обыденных вещах: «В ходе исследования респондентам было предложено вообразить, что они поймали золотую рыбку, и рассказать, что бы они у нее попросили. В отличие от главного персонажа из известной сказки А.С. Пушкина, респонденты оказались людьми сдержанными и скромными. Они не обременяли золотую рыбку чересчур амбициозными требованиями и ограничились лишь самым простым, чисто житейским набором: здоровье (43 %), достаток (38 %), счастье себе и близким (25 %), счастье в личной жизни (18 %)» [4, с. 18]. В этом столь же ироничном, сколь и реальном опыте кроется ответ, пожалуй, на ключевой для современной социально-гуманитарной науки вопрос о том, чем является для человека культура – не та культура с пафосом метафизичности и *онтологичности*, а культура повседневная, жизненная. В этой связи нетрудно заметить расстановку акцентов в стане исследователей и среди носителей культуры: для одних ценности всё больше становятся «бумажными», некими идеальными типами – подпорками общественного прогресса и духовно-нравственной консолидации людей. Для других непреложное значение имеют объективированные в повседневной жизни культурные коды, «низведенные» до ценностных ориентаций и связанные с семьей, бытом, внутренним ощущением покоя и комфорта. Ценности привязаны к обществу, различные же их вариации и формы в том или ином сочетании «отнесены» к носителям культуры. Но в этом-то и состоит сложность для исследователя – на основании «среза» ценностей делаются выводы

о состоянии социальной реальности, при этом человек остается на вторых ролях как своего рода *дизъюнкция* культуры. Вместе с тем, нередко в современной науке встречается ситуация, когда гуманистическая составляющая отодвигается на второй или даже третий план, наука коммерциализируется, в ней вымещается авторское начало, и в целом происходит заметная диверсификация социально ориентированного познания. Важное замечание об отсутствии именно гуманистической составляющей объясняет некоторым образом и кризис ценностей, и кризис наук.

Обратим внимание на последнее выражение: кризис науки в целом и отдельных её отраслей можно давно признать расхожей фразой; кризисом именуется любое проявление мировоззренческой слабости или растерянности исследователя перед объектами реального мира. Но нужно признать и то, что в такой же невыгодной ситуации оказываются и носители культуры, испытывающие на себе все возможные критические состояния мира, истории, политики и экономики, наконец, и науки также. Другой вопрос – насколько справедливо утверждение о кризисе науки, и совпадает ли он с кризисным состоянием, например, культуры? Некоторые авторы по-настоящему соревнуются в «преподнесении» кризиса, устанавливая иногда и его цивилизационные рубежи, – «Общий системный кризис человеческого общества, порождаемый прежде всего кризисом западной цивилизации... предъявляет совершенно новые требования к социологии» [5, с. 84]. Конечно, и не только к социологии, к науке вообще. Здесь, по-видимому, уместно было бы тезис об отсутствии «гуманистической составляющей» как своего рода референции современного состояния реальности сопоставить с получившим широкое распространение положением о противопоставлении гуманитарного и социального начал в научном познании. Утрата гуманистического компонента в системе человеческих ценностей и норм не может, разумеется, не сказаться на состоянии дел в науке. По крайней мере, в последнее время в ней прибавилось спорящих о том, что есть два полюса знаний и по сути два типа мировоззрения – гуманитарный и социальный. Разобраться в том, как распределяются эти ценностно-смысловые комплексы в научном познании – вещь всё же принципиальная, поскольку, как оказывается, для современных наук

такое явление, как междисциплинарность, стало практически рядовым событием, а вот примириться с возможным сочетанием гуманитарного и социального на паритетных началах, очевидно, не всегда удаётся, и этот вопрос приобретает архиважное звучание в контексте развития науки. По этому поводу, кстати, высказываются различные мнения, подчас обнаруживающие острую критику научного «диффузионизма» – «Социально-гуманитарные науки пересекаются и всегда могут взаимноинтерпретироваться, их развитие происходит во многом путём перекрестных заимствований. Парадокс заключается в том, что даже стремление к синтезу приводит к бесконечной фрагментации» [6, с. 16]. При этом следует отметить, что феномен *социально-гуманитарной* науки как будто сам по себе возражений не вызывает и рассматривается как данность. В некотором смысле это положение подтверждает и В.Е. Кемеров, отмечая, что «термины “гуманитарное” и “социальное” часто употребляются как интуитивно ясные» [7, с. 5]. На самом деле, как нам кажется, проблема эта не рядовая и заслуживающая особого внимания в эру развития наук и *социально-гуманитарных*, и естественных. Правда, всё же гораздо тяжелее переносить различные кризисы и застои именно социально-гуманитарным наукам – они направляют свои усилия на «воссоединение» человека, общества и культуры, но зачастую оказываются бессильными в этом продвижении научных «трендов». А между тем, «в социальных науках люди, по сути, не рассматриваются в их особенном бытии, а их силы и способности учитываются лишь в абстрактных формах и измерениях» [7, с. 15]. Примерно в этом же ключе звучит «обвинение» и социологии: «В сегодняшней социологии отсутствует то, что М. Вебер выразительно характеризовал как чувство многомерности ситуаций или положений, *человеческих* мотиваций (курсив наш. – Е.П.)» [8, с. 52].

Главное для исследователя в такой ситуации – это преодолеть барьер кризисности знания и двигаться дальше по пути получения новых результатов. К слову сказать, о кризисе науки сегодня дискутируют так много и долго, что само по себе это обстоятельство можно и нужно рассматривать в качестве объекта научного исследования. Кризис – поворот – переворот – меняющаяся роль и т.д. Это единый смысловой ряд, характеризующий

остроту проблемы в познании. Исследователю приходится занимать одну из двух позиций – изучать объекты, имеющие первостепенную важность для государства и органов власти (так называемые приоритетные направления науки, технологий и техники, обозначенные в указе Президента Российской Федерации № 899 от 07.07.2011 г.), либо «приписываться» к проверенному временем научному направлению, разрабатываемому научным коллективом. В любом случае кризис науки по его объективным проявлениям или по ощущениям самих ученых способен существенным образом поколебать их уверенность в себе. И если, как полагает Л.А. Маркова, «в XX в. начинает активно обсуждаться граница между человеком-ученым и знанием как результатом его деятельности» [9, с. 45], то в начале следующего столетия – XXI-го – эта граница распространяется на отношения общества и человека; тотальная социальность стирает экзистенцию в человеческом бытии, заменяя её фреймами, концептами, трендами и т.д. Вместе с тем «влияние общества на формирование научного знания никогда не отрицалось, но явно воспринималось как *внешнее* влияние, никак не задевающее содержание и логику развития научного знания (курсив автора цитаты. – Е.П.)» [9, с. 48]. Кризис науки и в утверждении тотальной социальности как новой онтологии, и в растерянности исследователя перед обязательными атрибутами науки. А это уже связано и с профессионализмом тоже, и с возможностью применять не только практический, но и теоретический разум. По словам русского философа Н.Ф. Федорова, «будучи в отдельности, два разума... являлись двумя невежествами, двумя мраками; при соединении же... они воссияют двойным светом, и прежних взаимных обвинений... в мракобесии – уже не будет» [10, с. 395]. В научном дискурсе вопрос о «двух разумах» или теоретической и прикладной ориентациях знания оставался существенным практически всегда; некая рубежность этих ипостасей науки конечно же представляется условной – исследователь не может проигнорировать накопленный теоретический опыт в осмыслении того или иного объекта реальности, с другой стороны, доказательность рассуждениям придаётся за счёт прикладного исследования. Но тем не менее дискуссии относительно межведения или противостояния теоретической рефлексии (теории и теоретизирования) и «эмпирики» не стихают.

Вопрос о месте человека, общества и культуры так ребром стоит, разумеется, не только перед социологией, но и перед другими областями современного знания. Не безупречна в решении этой проблемы, как оказывается, и философия «в изложении» новых философов «под видом философского творчества» и «с различными уловками» [11, с. 10]. С точки зрения Ю.Н. Солонина, «вскормленные традицией следовать образцам и классикам, мы склонны, отказавшись от прежних кумиров, перенести этот навык на новые персонажи. Естественное стремление избежать этого неприятного состояния ведет молодых философов к нарочитой эпатажности, к философскому цинизму и надуманной заостренной односторонности» [11, с. 10]. Пробуждение в современном исследователе этих негативных качеств, с одной стороны, существенным образом изменяет саму методологию научного поиска – стратегия должна быть выгодной, презентабельной, полет мысли неповторимым (как, собственно, в любом творчестве), но, с другой стороны, обрекает любой научный труд на квази-исследовательский. Тогда кризисный тезис «Мы стоим перед угрозой превратиться в философскую провинцию...» [11, с. 10] сравнительно легко примеряется и на другие дисциплины науки. Не исключение в этом ряду и социология. В целом для социогуманитарного знания, так же как и для социологической науки, довольно характерно, что механистическое соединение различных данных, показателей и факторов приводит не только к нередкому искажению действительности, но и к подрыву авторитета самой науки.

Следует обратить внимание на то, что механицизм в производстве научного поиска и научного действия стал рефреном прикладных областей знания не случайно, а в угоду явно выделившемуся из «целостного знания» эмпиризму. Пиетет перед стройным рядом цифр-показателей человеческих приобретений и потерь не оставляет ни социолога, ни другого исследователя. Обработав этот отчёт, можно уже завтра представлять результаты на суд общественности. Здесь, конечно же, во главу угла поставлена ещё одна сложная проблема современной науки – согласованность теории и практики. Не секрет, что в социологии метод и данные, полученные в ходе эмпирического исследования, более выразительны по сравнению с теоретическими размышлениями, однако именно в теоретической

социологии возможно сохранение фундаментального знания. Между тем относительно социологии показательным моментом может стать «вопрос на засыпку», связанный с определением её объекта. Социология как наука об обществе и общественных связях и отношениях очевидна для эмпириков, работающих непосредственно с феноменами и явлениями социальной реальности. Размышления о социологии как науке о взаимодействии общества, человека и культуры в большей степени характерны для тех исследователей, которые социальную реальность рассматривают не просто в многомерности институтов и процессов, а представляют её в системе ценностно-смысловых координат с тремя осями: 1) общество, 2) человек, 3) культура. Но нельзя не отметить и того обстоятельства, что социологи интуитивно улавливают конъюнктурность такого взаимодействия, если иметь в виду политизацию общественных процессов, юридизацию человеческих отношений и, наконец, оповседневнивание культуры, сведение её к бытовым моментам и поведению в обществе. Не секрет, что социологи зачастую «схватывают» именно эти пороговые составляющие человеческого бытия, так как они, по их мнению, отвечают на актуальные вопросы о состоянии соответствующих сфер. Очевидные просчёты в этой связи возникают из-за фрагментарного взгляда на мир – локализация исследовательских интересов на «взрывных» точках бытия нивелирует и практически сводит на нет социальную интуицию. А вместе с тем «социологическое теоретизирование, – по мысли А. Филиппова, – всегда содержит в себе интуицию социального» [12, с. 63]. Недостаточность интуиции социального может завести исследователя в тупик, если к нему вдруг возникнут вопросы о теоретических обобщениях на основе предпринятого эмпирического анализа. Онтологические характеристики взаимодействия общества, человека и культуры остаются за скобками его научного интереса и не позволяют сделать «цельных» обобщений. Разумеется, это не общее правило науки, а лишь повторяющиеся случаи, но, однако, они являются показательными и лишней раз убеждающими в том, что грани научной рефлексии продолжают оставаться зыбкими. А это в свою очередь сопряжено с рисками непрофессионализма и утраты ответственности в исследовательском труде.

Список литературы:

1. Лебедев С.А. Современная наука: социальность и инновационность // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 2011. № 1.
2. Горшков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. 2011. № 4.
3. Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2.
4. Андреев А.Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Альманах 2013 / ОАО «ВЦИОМ». М., 2013.
5. Ногайбаева Д.Т. Гуманистическая функция социологии в настоящее время // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 5 / Под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2013.
6. Смирнов И.П. История мысли – история философии: проблема дифференциации // Философские науки. 2013. № 4.
7. Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1.
8. Гудков Л.Д. Социология культуры: научно-аналитический обзор тематического номера «Кельнского журнала по социологии и социальной психологии» // Культурология: Дайджест. М., 2012. № 1(60).
9. Маркова Л.А. На пути к новой онтологии в философии науки // Вопросы философии. 2013. № 11.
10. Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М., 1995.
11. Солонин Ю.Н. Привитие философии (Философские факультеты и философская культура) // Вопросы философии. 2011. № 2.
12. Филиппов А. К теории социальных событий // Логос. 2005. № 5(50).
13. Максимов Л.В. Редукция сознания к познанию как методологический принцип когнитивной науки и гуманитарных дисциплин // Философская мысль. 2014. № 11. С. 32-71. (DOI: 10.7256/2409-8728.2014.11.13778. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_13778.html).
14. Юдин А.И. Ценность как метод познания социальной действительности и её практического преобразования: Г. Риккерт и П.Л. Лавров // Философская мысль. 2014. № 10. С. 80-103. (DOI: 10.7256/2409-8728.2014.10.13606. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_13606.html).

References (transliteration):

1. Lebedev S.A. Sovremennaya nauka: sotsial'nost' i innovatsionnost' // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 7. Filosofiya. 2011. № 1.
2. Gorshkov M.K. Dialog rossiiskoi sotsiologii s obshchestvom i vlast'yu (opyt proshlogo, perspektivy budushchego) // Filosofskie nauki. 2011. № 4.
3. Osipova N.G. Otrasleyaya matritsa sovremennoi sotsiologii: krizis divergentsii // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2013. № 2.
4. Andreev A. L. Russkaya mehta: vzglyad sotsiologa // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. Al'manakh 2013 / OAO «VTsiOM». M., 2013.
5. Nogaibaeva D.T. Gumanisticheskaya funktsiya sotsiologii v nastoyashchee vremya // Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo: sbornik statei. Vyp. 5 / Pod red. O.N. Kolesnikovoi, E.A. Popova. Barnaul, 2013.
6. Smirnov I.P. Istoriya mysli – istoriya filosofii: problema differentsiatsii // Filosofskie nauki. 2013. № 4.
7. Kemero V.E. Gumanitarnoe i sotsial'noe: ot oppozitsii k sintezu // Chelovek. 2011. № 1.
8. Gudkov L.D. Sotsiologiya kul'tury: nauchno-analiticheskii obzor tematicheskogo nomera «Kel'nnskogo zhurnala po sotsiologii i sotsial'noi psikhologii» // Kul'turologiya: Daidzhest. M., 2012. № 1(60).
9. Markova L.A. Na puti k novoi ontologii v filosofii nauki // Voprosy filosofii. 2013. № 11.

10. Fedorov N.F. Supramoralizm, ili vseobshchii sintez (t.e. vseobshchee ob'edinenie) // Fedorov N.F. Sobranie sochinenii: v 4 t. T. I. M., 1995.
11. Solonin Yu.N. Privitie filosofii (Filosofskie fakul'tety i filosofskaya kul'tura) // Voprosy filosofii. 2011. № 2.
12. Filippov A. K teorii sotsial'nykh sobytii // Logos. 2005. № 5(50).
13. Maksimov L.V. Reduktsiya soznaniya k poznaniyu kak metodologicheskii printsip kognitivnoi nauki i gumanitarnykh distsiplin // Filosofskaya mysl'. 2014. № 11. S. 32-71. (DOI: 10.7256/2409-8728.2014.11.13778. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_13778.html).
14. Yudin A.I. Tsennost' kak metod poznaniya sotsial'noi deistvitel'nosti i ee prakticheskogo preobrazovaniya: G. Rikkert i P.L. Lavrov // Filosofskaya mysl'. 2014. № 10. S. 80-103. (DOI: 10.7256/2409-8728.2014.10.13606. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_13606.html).